

Санкт-Петербургский государственный университет

СУВЕРЕННОСТЬ И СУВЕРЕНИТЕТ В ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СА-
МОСОЗНАНИЯ

Выпускная квалификационная работа по направлению

47.04.01 «Философия»

основная образовательная программа

ВМ.

5656.* «Философия политики и права»

Исполнитель

Мицкевич Павел Андреевич

Научный руководитель

д.филос.н., доцент,

профессор с возложенными обязанностями заведующего кафедрой

Соколов Алексей Михайлович

Рецензент

доктор философских наук, профессор

Полатайко Сергей Васильевич

Санкт-Петербург

2017

Оглавление

Generating Table of Contents for Word Import ...

Введение

Осуществление власти в государстве, её распределение и фактическое отправление являются основными вопросами политической философии как самостоятельной области знания. На пороге Нового Времени в трудах социальных и политических мыслителей эти вопросы получают своё теоретическое оформление в понятии «суверенитет». Суверенитет, или суверенная власть, то есть высшая, «верховная» власть, означает не только принцип политического управления внутри государства, но, также, принцип самого государства в системе международных отношений. Это второе значение термина явилось результатом поисков ответа на вызовы эпохи и легло в основу современной Вестфальской системы межгосударственных отношений, ведущей своё начало от Вестфальского мира, юридически закрепившего в 1648 году её основные положения.

Слово «суверенитет», или «суверен», в значении обладатель суверенитета, происходит от латинского *supremus* – «верховный» и, в этом отношении, родственно слову «сюзерен», означающему систему вассального господства. Жан Боден в начале главы, посвященной собственно суверенитету, указывает на семантическое родство этого понятия итальянскому «сеньория» (господство), латинскому «величие», и греческому «политическая власть», «высшая власть».¹ Понятие активно используется уже в правовых документах Средневековья, в частности, в материалах по Олеронскому морскому праву и Кутюмах Бовези,² в значении скорее, титула и регалий, но не юридического термина (подобно русскому «Ваше Величество»). Однако именно на рубеже XVI – XVII веков «суверенитет» обретает теоретическое оформление в трудах таких политических мыслителей, как Жан Боден, Франсиско Суарес, Альберико Джентили, Гуго Гроций, Томас Гоббс, Джон Локк и

¹ См. Антология мировой правовой мысли в 5 тт. Т.2 Европа V – XVII вв. М.: Мысль, 1999. 829 с. – С. 692-693

² См. Там же. С. 372-376, 453-463

Самуэль фон Пуфендорф. Одной из первых наших задач, таким образом, будет установление комплекса предпосылок, социо-культурных и политико-экономических, вызвавших актуализацию проблемы и необходимость её теоретического осмысления.

Значимый для исследования отрезок времени, XVI – XVIII вв., охватывает период возникновения и разработки основных классических подходов к исследованию проблемы суверенитета. Обращение к истокам формирования понятия, таким образом, позволит нам рассеять окутавший его туман, позволит проследить процесс актуализации противоречивости трактовок, сопровождающих понятие суверенитета, и, следовательно, предоставит возможности для последующей пересборки понятия, освобожденного от иллюзий и противоречий. Задачей работы является, следовательно, установление связей внутри парадигмального сдвига, произошедшего на рубеже XVI – XVII веков, который обозначил начало эпохи Нового Времени. Причины и следствия, феномены и события, подготовившие почву или ставшие истоком для возникновения новой формы легитимации власти, то есть новой формы государственного и межгосударственного порядка, должны быть различены и выделены в качестве оснований.

Среди задач текущей работы было решено сосредоточиться, в частности, на отсечении коннотаций, связанных с понятием суверенитет, но также и на обосновании коннотаций, не подвергаемых отсечению. В работе, фактически, подготавливается почва для более глубокого исследования проблемы суверенитета, понятого как логика управления в условиях глобального порядка, на сегодняшний день находящейся в центре внимания авангарда политико-философской мысли. Успешными будем считать результаты, позволяющие отчетливо представить маршрут изменения и трансформации концепта, то есть его историческое развитие в трудах политико-правовых теоретиков.

Актуальность проблемы высвечивается для нас не столько через противоречивость использования термина в важнейших основополагающих документах международного права, и, также, не столько в отсутствии консенсуса

по вопросу, в том числе, в рядах академического сообщества, сколько через осознание необходимости осмысления становящейся формы глобального порядка, контуры которого до сих пор не очерчены с достаточной отчетливостью.

Методологию исследования составляют критическое осмысление и сравнительный перекрестный анализ обширного корпуса классических политико-философских трактатов. Их интерпретация осуществляется посредством обращения к сильнейшим теоретикам и критикам обозначенного проблемного поля. Осуществляя философско-историческую реконструкцию исследуемых тенденций, мы намерены ориентироваться на, как можно более полное, представление сил и обстоятельств эпохи, значительно повлиявших на направление исторического движения. Для выполнения этой задачи мы обратимся к ряду трудов историков эпохи Возрождения, признанных в своей области, и, с поразительной проницательностью, выразивших «дух» этого переходного периода. Однако на первом этапе, исследуя политико-экономические предпосылки идеи суверенитета, мы будем использовать преимущественно корпус социологических работ, посвященных проблемам происхождения государства и развития капитализма.

Итак, в первую очередь, сообразно предмету нашего исследования, должны быть выявлены предпосылки возникновения идеи суверенитета. Нас интересуют условия возможности формирования того представления о государстве, которое характеризуется легитимным сосредоточением высшей власти в определенном центре, что приводит также к признанию за государством независимости и самостоятельности по отношению к другим государствам. Суверенитет, как принцип государственности, оказывается, в то же время, принципом международных отношений, юридически эксплицированным в положениях Вестфальского мира. В общем смысле, суверенитет, как это будет раскрыто дальше, есть основание порядка, принцип организации или структурирования порядка, будь то внутригосударственного, межгосударственного или глобального.

Воссоздание картины общественных условий и исторических обстоятельств, характеризующих эпоху, непосредственно предшествующую рождению идеи суверенитета, должно способствовать прояснению конкретной значимости этой идеи, выступившей результатом поиска новой формы порядка. Идея суверенитета возникает в условиях кризиса старых форм легитимации власти, основанных на божественном и наследственном праве. Нам следует обратиться к поиску предпосылок, сделавших возможным обозначенный переход, но также и к тем из них, которые вызвали указанный кризис.

Несомненно, определяющее значение должно быть отведено Реформации, которая не только выступила выражением накопившихся в европейском обществе противоречий, но и подвела итог напряженной работе в области духа, обозначаемой как эпоха Возрождения. Однако образ интересующего нас исторического среза не может быть в полной мере представлен без обращения к его истокам. Таким образом, тенденции, лежащие в основании генезиса представления о суверенитете, как высшей власти, обеспеченной всеобщим взаимным согласием, могут быть обнаружены уже в период позднего Средневековья. На этом пути нам предстоит обратиться к определению взаимозависимых факторов формирования самостоятельных государств, развития рынка и появления рационального и индивидуального субъекта.

Глава 1. Политико-экономические предпосылки возникновения идеи суверенитета

В широком пласте политико-экономических предпосылок возникновения идеи суверенитета мы можем предварительно выделить такие взаимосвязанные процессы и события как: генезис современных государств, включая процессы централизации и рационализации власти; кризис династического правления и поиск новой формы легитимации власти; развитие капитализма, в том числе процесс рационализации экономических отношений, урбанизация и формирование буржуазии; распад Церкви и разложение империи в период Реформации; и, наконец, открытие Америки и начало колониализма.

Несомненно, многие из выделенных процессов имели место задолго до возникшей необходимости теоретического осмысления проблемы суверенитета, однако, не стоит недооценивать их значимость, продемонстрировать очевидность которой – одна из сопутствующих наших задач.

1.1 Концентрация и монополизация

Итак, первую из намеченных предпосылок можно обозначить как генезис государства. Проведенные рядом политических социологов исследования этого вопроса обеспечивают нас достаточным материалом для его краткого освещения. В этой части работы мы будем опираться на труды Макса Вебера, Норберта Элиаса, Чарльза Тилли и Пьера Бурдьё, нам также окажет немалую поддержку работа французского историка Франсуа Гизо «История цивилизации в Европе».³

Ставшее хрестоматийным определение государства М. Вебера гласит: «Современное государство есть организованный по типу учреждения союз господства, который внутри определенной сферы добился успеха в монополизации легитимного физического насилия как средства господства и с этой целью объединил вещественные средства предприятия в руках своих руководителей, а всех сословных функционеров с их полномочиями, которые раньше распоряжались этим по собственному произволу, экспроприировал и сам занял вместо них самые высшие позиции».⁴ Развивая теорию М. Вебера, Н. Элиас сосредотачивается на описании процесса монополизации инструментов насилия и налогообложения, причем, обе эти монополии, по мнению ученого, взаимосвязаны, то есть поддерживают и обеспечивают одна другую. Похожим образом рассуждает и Ч. Тилли, выявляя разнообразие стратегий подобной монополизации в работе «Принуждение, капитал и европейские го-

³ Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). — 336 с.

⁴ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644-706

сударства. 990 – 1992 гг.».⁵ П. Бурдьё, в свою очередь, указывает на решающее значение присвоения символической власти, которая и обеспечивает легитимность всех остальных монополий, включая также монополию на информационный, социальный и культурный капитал.

Постепенное формирование этих монополий начинается лишь с XI века европейской истории на территории, оставшейся в наследство от западных франков. «Поначалу каждый рыцарь, имевший в своём распоряжении клочок земли, выполнял все те функции господства, которые в дальнейшем, сделавшись инструментами в руках специалистов, обретут вид монополии единой центральной власти»⁶, - отмечает Н. Элиас. Процесс монополизации Н. Элиас предлагает понимать в форме свободной конкурентной борьбы: поскольку вероятность того, что ведущие борьбу стороны будут бесконечно долго находиться в равном положении, не побеждая, но и не проигрывая, чрезвычайно низка, то, рано или поздно, все шансы окажутся в руках немногих или одного. Мы можем наблюдать своего рода побочное явление процесса концентрации, как указывает Н. Элиас, при увеличении монополии монополист, всё в большей степени, оказывается в зависимости от сети зависимых от него людей, сила которых непременно растёт с ростом их численности. Это необходимо приводит к процессу рационализации государства, как его обозначал М. Вебер, то есть к внутреннему разделению функций, расширению и усложнению социального аппарата господства, или, как у П. Бурдьё, к дифференциации корпуса руководителей и удлинению цепочек легитимации. Таким образом «частная» монополия становится «публичной», монополией целого социального слоя, или, в предельном случае, «функцией всей сети взаимозависимых индивидов»⁷.

⁵ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990– 1992 гг. / Пер. с англ. Менской Т. Б. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009. — 328 с.

⁶ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 382 с. — («Книга света»). – С. 104

⁷ Там же. С. 112

К слову, концепция конкурентной борьбы Норберта Элиаса, с точки зрения П. Бурдьё, представляется тавтологичной. Согласно П. Бурдьё, успех короля мог заключаться в том, что он был королем, то есть дело было в этом незначительном отличии от других феодалов, в том, что «он может с разумными шансами на успех добиться социального признания своей претензии на то, что он король».⁸ П. Бурдьё заключает: «Факт существования в качестве центра дает определенное преимущество в борьбе за концентрацию... то есть признанного центра, а не просто географического...».⁹

Таким образом, в конкурентной борьбе, сначала за монополию внутри одного удела, и далее – за монополию среди других княжеских домов, собирала земли современной Франции династия Капетингов. Необходимость объединения осознавалась тем более остро, чем более могущественным становился их северный сосед – Англия, возглавляемая Нормандской династией, а после – династией Плантагенетов, родом из графства Анжу на западе Франции. Здесь мы вплотную подходим к следующей обозначенной предпосылке – династические кризисы, то и дело провоцировавшие кровопролитные войны за наследство. В контексте проблемы кризисов династического правления идея суверенитета предлагает альтернативные формы легитимации государственной власти, утверждая стабильный орган центральной власти, осуществляющий управление обширными территориями. Наиболее ярким и заслуживающим внимания событием в этом отношении оказывается Столетняя война.

1.2 Столетняя война

К моменту смерти Карла IV Красивого в 1328 году, Франция уже предстает могущественным объединением земель, но, по замечанию Н. Элиаса, она всё ещё выглядит как «типичный семейный удел». К этому

⁸ Бурдьё П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992) / Пьер Бурдьё; [ред.-сост. П. Шампань, Р. Ленуар, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер]; пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с. – С. 465

⁹ Там же. С. 470

времени на территории западных франков осталось лишь пять крупных домов, располагавших достаточной силой для участия в конкурентной борьбе. Из них выделяются два сильнейших: французские короли Капетинги и английские короли Плантагенеты. Их столкновение, согласно логике всё той же конкурентной борьбы, оказывается неизбежным. Поскольку Карл IV Красивый не оставил прямого наследника, на французский трон тотчас же заявил свои претензии английский король Эдуард III, внук французского короля Филиппа IV Красивого по материнской линии. Однако власть была передана Филиппу VI Французскому, племяннику Карла IV и родоначальнику династии Валуа на французском престоле. В серии конфликтов с 1337 по 1453 годы, Англия так и не закрепила на континенте, ей не удалось удовлетворить претензии на трон, но и Франция понесла большие потери.

Столетнюю войну принято оценивать как событие, выковавшее французскую и английскую нацию и укрепившее целостные централизованные государства. Однако ни до, ни после войны эти политические единицы так и не преодолели логику династического государства, или, выражаясь иначе, патримониализм. Территория королевства оставалась личной собственностью короля, которой он был вправе распоряжаться, не нуждаясь в согласии подданных, или «народа», проживающего на этой территории. Однако Ф. Гизо приводит другой бесспорный аргумент: «О народном характере борьбы более, нежели достаточно свидетельствует хотя бы одна история Жанны д'Арк»¹⁰. И далее: «Война с Англией и все превратности её в первый раз соединили дворянство, буржуазию и крестьян одною нравственною связью – связью общего имени, общей чести, общего желания победить чужеземных врагов»¹¹. При Карле VII Победителе (1403 – 1461) появляется первая регулярная армия. По свидетельству Ф. Гизо, в XV веке Франция приобретает по отношению к войскам, налогам и судопроизводству небывалый до того времени характер

¹⁰ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. С. 248

¹¹ Там же.

единства. Н. Элиас усматривает в Столетней войне предтечу войны Тридцатилетней, в том смысле, что она выявила взаимозависимость европейских государств, открыла и обозначила общее политическое пространство: «Французско-английское территориальное общество вместе с растущим взаимным переплетением связей все больше становится подсистемой всеобъемлющей системы европейских стран».¹²

Что ж, возвращаясь к кризисам династического правления. Династические государства нестабильны: здесь еще не обнаруживается крепкой административной или бюрократической системы, которая бы позволяла сохранять политическую форму и порядок независимо от личности короля. Далее, члены семьи королевского дома имеют возможность наследовать части государства без какой-либо гарантии возврата к целостности, следовательно, династическая логика также препятствует централизации и усилению государства. Мы должны помнить при этом, что при увеличении монополии – аппарат господства расширяется и разветвляется, на что указал Н. Элиас, хотя процесс формирования стабильных институтов может занимать столетия.

1.3 Буржуазия, город и рыночная площадь

Нам следует засвидетельствовать наличие разнонаправленных, амбивалентных тенденций, формирующих современное государство. В подобных реальных условиях, в столкновениях суверенных событий, не подчиненных какой-либо единой цели исторического процесса, возникает и идея суверенитета.

Одной из важнейших теоретических схем идеи, которая встречается буквально у каждого политического мыслителя XVI – XVIII веков, далее лишь отходит на задний план, но сохраняет свой вес вплоть до нашего времени в таких, например, формах, как Теория справедливости Джона Роллза, несомненно, является Договор между свободными людьми, как акт

¹² Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. С. 141

учреждения государства. Прообразом такого договора, как нам представляется, послужила рыночная площадь, как место заключения сделок. Примечательно, что именно в области экономических отношений в этот период наиболее активно развивается сфера права, в связи, конечно, с развитием самого капитализма. Однако в этой теоретической схеме имеется еще один момент – представление о свободном народе, об учреждении власти снизу. Мы переходим, следовательно, к вопросу о появлении и развитии буржуазии, неотделимому от вопроса о развитии капитализма. К ключевому для нашего исследования историческому отрезку, буржуазия уже представляла серьезные социальные силы. Как указывают, к примеру, Майкл Хардт и Антонио Негри в работе «Империя», религиозные войны в ходе Реформации – это также и классовые войны за утверждение нового способа труда и нового порядка эксплуатации.¹³ XVI век – это начало буржуазных революций. На фоне династических войн и образования абсолютных монархий стремительно развивается народный класс, который станет реальной угрозой существующему порядку.

Совершим же вместе с Ф. Гизо путешествие во французскую городскую общину XVIII и XII веков, чтобы острее ощутить произошедшие перемены.

Итак, городская община XVIII века и горожанин из века XII. Он подходит к городу и не видит никакого средства к защите, ни валов, ни городской милиции, ни башен. Горожанин начинает беспокоиться о безопасности общины. Он входит в город и узнает у жителей об их положении, о порядке управления. Ему рассказывают, что где-то далеко в другом городе существует власть, которая устанавливает и собирает налоги, не нуждаясь в одобрении горожан, созывает милицию и отправляет её на войну, не спрашивая согласие народа. Он узнаёт, что должностные

¹³ См. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004- — 440 с. — С. 81-82

лица города назначаются королевскими чиновниками, что ими же решаются дела общины. «Он переходит от одного зрелища к другому, противоположному, видит буржуазию, с одной стороны, облеченную правами верховной власти, с другой – бессильною»¹⁴.

Теперь в общину XII века отправляется современник Ф. Гизо из века XIX. Город здесь – это крепость, которая охраняется вооруженными горожанами. Горожане сами облагают себя налогами, назначают должностных лиц, судят, наказывают, собираются для решения дел. Одним словом, они пользуются правами верховной власти. «Здесь нация горожан – ничто, община – всё; там нация горожан – всё, община – ничто».¹⁵

IX – XIII века – период освобождения городов от власти феодалов. События, вошедшие в историю под именем коммунального движения, определили образование нового класса народа – буржуазии. Единство буржуазии как класса возникает из одинакового положения, в котором оказались массы свободных горожан, и одинаковых интересов, которые определяли их развитие. Представленная изначально лишь мелкими купцами и торговцами, уже через три века буржуазия включает в свои ряды адвокатов, медиков, ученых и местных чиновников. М. Вебер определяет буржуазию как людей, имевших либо состояние, либо образование, либо и то, и другое вместе.

Итак, естественная среда буржуазии – это город, а город – это место концентрации капитала. Экономическая жизнь средневекового города была статичной. Ремесленники были объединены в цехи, а цехи препятствовали развитию внутренней конкуренции, культивируя принцип сотрудничества. Торговля в основном осуществлялась множеством мелких предпринимателей, а экономическая деятельность была подчинена моральным и религиозным целям. В центре средневековых городов, как

¹⁴ Гизо Ф. История цивилизации в Европе. С. 161

¹⁵ Там же. С. 162

правило, находилась рыночная площадь. Именно рынок оказывается преимущественным объектом правительственного вмешательства и регулирования в Средние Века,¹⁶ о чем нам напоминает Мишель Фуко. «Рынок, в самом общем смысле этого слова, как оно употреблялось в Средние века, в XVI, в XVII вв., насколько о нем можно судить, был по сути местом справедливости»,¹⁷ - говорит М. Фуко. В общем смысле, речь идет о производстве «справедливой» цены на товары, как результата конфликта интересов продавца и покупателя, о месте согласования частных интересов. Более того, мы можем говорить также о «естественной» цене, которая проявляется действием естественных рыночных механизмов, в частности, диалектикой спроса-предложения и свободной конкуренцией. Принцип функционирования свободного рынка определяет, согласно М. Фуко, особый режим правления, который начинает формироваться с XVIII века. Этот режим, в структуре, предложенной французским философом, получает название режима истины, основанного на принципе самоограничения.

1.3 Парадигма правления (экскурс в теорию Мишеля Фуко)

Здесь следовало бы представить в общем виде теоретическую модель исторических переходов режима правления, разработанную М. Фуко. Режим правления до XVI века ориентировался на моральные, естественные, либо божественные законы, предполагал «мудрость» правителя – то, что М. Фуко называет «правительственной сообразностью». В XVI веке происходит переход от старого порядка, или порядка суверенитета, как его обозначает М. Фуко, к управленческой деятельности, «искусству управления», к правительственным практикам, определяемым исключительно государственным интересом. В XVI – XVII веках политика осуществляется с установкой на эффективность и интенсивность действий по поводу

¹⁶ См. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. В. Дьяков. — СПб.: Наука, 2010. — 448 с. — С. 48

¹⁷ Там же.

максимального усиления государства. Однако уже к XVIII веку высвечиваются серьезные недостатки подхода, основанного на строгой регламентации и повсеместности государства, что, без сомнений, следует приписать опыту неудачных попыток экономического регулирования. Устанавливаются режим истины и политика осторожного вмешательства по отношению к объекту власти.

Прежде чем двигаться дальше, необходимо, в добавление, обозначить контекст, в котором мы будем использовать представленную модель. Как пишет М. Фуко, теория суверенитета, представленная в трудах политических мыслителей XVI – XVIII веков, обходит молчанием, скрывает или игнорирует, возникающие, современные ей, государственные механизмы дисциплинарного принуждения. М. Фуко признает теорию суверенитета в качестве важного политического и теоретического инструмента, каковой она являлась в своей классической форме, но он также называет её «большой ловушкой», препятствием в деле анализа власти. Эта конкретная политико-юридическая теория, стало быть, продолжает провозглашать принцип правительственной сообразности и, тем самым, выполняет функцию подтверждения законности государственной власти, обосновывает единство власти и исходит из понятия подчиненного субъекта. Переход от суверенитета к «искусству управления» означает, следовательно, что на смену системы с единым центром власти приходит система дисциплины, которая пронизывает всё общество, проникает во все его части. Однако в этом вопросе нам ближе позиция Майкла Хардта и Антонио Негри, которые предпочитают рассматривать этот переход как изменение, произошедшее внутри представления о суверенитете: «Современность ставит на место традиционной трансценденции господства трансценденцию функции подчинения порядку. Механизмы дисциплины начали формироваться еще в классическую эпоху, но только во времена современности дисциплинарная диаграмма стала диаграммой самого управления»¹⁸, - пишут М. Хардт и

¹⁸ Хардт М., Негри А. Империя. С. 93

А. Негри. Другими словами, идея суверенитета, возникающая на рубеже XVI – XVII веков, и возникающая в это же время парадигма «правления» обнаруживают внутреннюю взаимосвязь.

М. Фуко выделяет следующие факторы перехода к теории искусства управления: развитие административного аппарата монархий; развитие статистики; распространение меркантилизма и камерализма, или иначе, разработка способов увеличения государственной мощи и богатства.¹⁹ Обозначенные условия следуют вектору рационализации, или вернее, нового типа рациональности – государственному интересу. Мы находим у М. Фуко также перечень преобразований в процессе становления парадигмы правления, которые совпадают, на наш взгляд, с преобразованиями, характеризующими возникновение суверенитета в качестве идеи. Это, во-первых, от династического соперничества – к конкуренции государств; во-вторых, от богатства государя – к богатству государства; в-третьих, от оценки могущества государства по обширности его владений – к оценке по ресурсам; и, в-четвертых, от системы союзов в смысле семейных обязательств – к союзам в качестве временного отстаивания интересов.²⁰

1.4 Дифференциация и рационализация

Итак, рыночная площадь – это место «справедливости», место согласования частных интересов, иначе говоря, место перманентно возобновляемого договора. Купцы, торговцы, вообще горожане составляют формирующийся и разрастающийся средний класс. До конца XV века накопление капитала происходило очень медленно. Но относительная стабильность средневекового порядка уже к XIV веку утрачивает непоколебимый, неприступный характер. В цехи проникает растущая дифференциация: в то время как одним удается установить монополию,

¹⁹ Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Сусллова, А. В. Шестакова. — СПб.: Наука, 2011. — 544 с. — С. 151

²⁰ Там же. С. 384

положение остальных, особенно подмастерьев, значительно ухудшается. На фоне быстрого роста общенациональной и международной торговли в XIV и XV веках начинают появляться крупные компании, подавляющие своим капиталом, как мелких торговцев, так и покупателей. Постепенно земля как важнейшее средство производства уступает эту роль деньгам. Норберт Элиас называет деньги «подлинным воплощением разделения функций».²¹ Мы можем констатировать, следовательно, значительную дифференциацию общества и усиление социальной взаимосвязи на этапе перехода к Новому Времени. По мере удлинения и усложнения цепочек социальных взаимодействий, необходимых для достижения определенных целей, всё более отчетливо проявляется регулирующая и координирующая функция центральной власти, всё больше общество нуждается в существовании стабильного центрального органа власти, не распадающегося при смене управляющего.

Еще одно событие, которое нельзя обойти стороной. Очередной династический кризис, переросший в крупномасштабную войну, связан со смертью Неаполитанского короля Фернандо I в 1494 году. Претензии на освободившийся трон заявил французский король Карл VIII. Претензию поддержали миланский герцог и папа Александр VI, и Франция, почти не встречая сопротивления, заняла Неаполь в 1495 году. Однако уже через год, Венецианская лига, обеспокоенная усилением французского влияния на полуострове, вместе с, присоединившимися к ним, императором Священной Римской империи Максимилианом I и королем Арагона Фердинандом II вытесняют французские войска с территории Италии. Нарушенный баланс, тем временем, приводит к очередным столкновениям между итальянскими государствами и еще множеству военных конфликтов на территории всей Европы вплоть до 1559 года. В борьбе за гегемонию в Италии и ведущее

²¹ Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. С. 145

положение в Европе победу одерживает Испания. Помимо этого, историки отмечают культурное значение французских и немецких походов в Италию, то есть знакомство с идеалами Ренессанса и гуманизма, выраженное Северным Возрождением.

Мы уже отмечали, что развитие аппарата господства, дифференциация корпуса руководителей – всё это, может быть обозначено, вслед за М. Вебером, рационализацией государства. Этот процесс трансформации династического государства П. Бурдьё описывает как переход от королевского дома к государственному интересу. В контексте исследования П. Бурдьё, государственный интерес – это то, что привлекается в качестве оправданий действий короля. Именно здесь происходит разрыв «логики дома». Однако эту тенденцию можно обнаружить уже на этапе «рационализации логики дома» придворными юристами, то есть на этапе облачения мысли дома в римское право. Примечательно, что государственный интерес – это латинское «ratio status», или французское «raison d'Etat», разумеется, это не просто совпадение.

Итак, помимо процессов расширения аппарата господства, дифференциации функций и делегирования полномочий, а, значит, и повышения степени зависимости короля, что во многом определялось прагматикой решения конкретных проблем, П. Бурдьё обращает внимание, также, на внутренние противоречия династической логики. Первым и решающим из них оказывается принадлежность короля к королевскому дому, преданность короля своей династии, трансцендентной вневременной сущности, что роднит эту логику с логикой государства и способствует переходу. Следующее противоречие заключается в универсализации королевского частного: поскольку каждое частное решение и поступок короля представлялись публичными, то невольно утверждалось, что нечастное лучше частного. Юристы и легисты короля, занимавшиеся решением задач по универсализации, участвовали, следовательно, в разработке

дискурса, который отрицал то, что они легитимировали. Далее, в самом сердце государственной структуры, П. Бурдьё обнаруживает принцип, противоречащий её главному основанию. Речь идет о принципе воспроизводства чиновников, основанном на компетенции, то есть за счет системы образования, а не по праву крови, и это обнаруживается уже на самом раннем этапе, начиная с XII века. Таким образом, находясь на службе династического государства, для того, чтобы упрочить свое положение или получить назначение, чиновники должны были обращаться к другим принципам власти.

Как мы успели заметить, рационализация власти в контексте проведенного Пьером Бурдьё исследования не только продолжает теорию М. Вебера, но отсылает, также, к коннотациям учения Зигмунда Фрейда, в смысле рационализации иррационального. В учении же М. Вебера рациональность и рационализм занимают центральное место. В наиболее сжатом, но достаточно содержательном виде, с акцентом на множестве значений, веберовское понятие рационального представлено в следующем пассаже из работы Роджерса Брубейкера «The Limits of Rationality»²², целиком посвященной этой проблеме. В целях демонстрации многообразия значений и глубины смысла понятия, Р. Брубейкер так выражает интенцию М. Вебера: «Современный капитализм определяется рациональным (осознанным и систематичным) стремлением к прибыли, посредством рациональной (систематической и исчислимой) организации формально свободного труда и посредством рационального (безличного, чисто инструментального) обмена на рынке, управляемом рациональными (точными, чисто количественными) учетными процедурами и гарантированным рациональными (регламентированными, предсказуемыми) правовой и политической системами. Аскетический протестантизм характеризуется рациональным (методическим) самообладанием и рациональным (целеустремленным) призванием к рациональной (трезвой,

²² Brubaker R. The limits of rationality. London and New York: Routledge, 1984. - 120 p.

скрупулезной) экономической деятельности в качестве рационального (психологически действенного и логически постижимого) средства облегчения невыносимого давления, наложенного на людей, рациональной (непротиворечивой) доктриной о предопределении».²³ Итак, имея некоторое представление об этой непротиворечивой скрупулезности, мы можем двигаться дальше.

Рациональное государство, согласно М. Веберу, отличается господством капитализма, разделением чиновничества на отдельные ветви, рациональным правом и рациональным судопроизводством.²⁴ При этом рационализм понимается М. Вебером как характерная черта западной культуры. В поисках оснований буржуазно-промышленного капитализма, европейской науки, государства, изобретенного именно в Европе, и других произведений европейского гения, в одном из вариантов таких поисков, М. Вебер обращается к исследованию протестантизма и причин его победы над католицизмом преимущественно в наиболее капиталистически продвинутых странах эпохи раннего Нового Времени. В этой части исследования мы ограничимся лишь указанием на общее значение и основные следствия Реформации в отношении её влияния на социальную и политическую ситуацию эпохи, поскольку наиболее значимым нам представляется здесь интеллектуальный и культурный контексты.

1.5 Реформация и Вестфальский мир

Итак, Реформация выступила, по меньшей мере, наиболее ярким проявлением интересующего нас исторического сдвига. Начавшись с выступления Мартина Лютера против продажи индульгенций католической Церковью в 1517 году, она находит свое логическое завершение в подписании Вест-

²³ Brubaker R. The Limits of Rationality. P. 2

²⁴ См. Вебер М. История хозяйства. // Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001. — 576 с. — С. 307

фальского мира в 1648 году, заложившего политико-юридические основания системы суверенных государств.

Реформация отвергла папскую власть и привела к расколу римской церкви. Характеризуя распад средневекового порядка, Чарльз Тилли пишет: «Это был похоронный марш для Священной Римской империи с господствовавшими в ней Габсбургами».²⁵ Для Ч. Тилли Реформация выступает ничем иным как выражением сопротивления власти централизовавшихся государств.

Наднациональный авторитет католической церкви сменяется национальной свободой вероисповедания протестантизма. Подчиненность экономики человеческим нуждам сменяется принципами экономического либерализма, ростом значения капитала, индивидуальной экономической инициативы и конкуренции. Однако, как пишет М. Вебер: «Реформация означала не полное устранение господства церкви в повседневной жизни, а лишь замену прежней формы господства иной; причем замену господства необременительного, практически в те времена малоощутимого, подчас едва ли не чисто формального, в высшей степени тягостной и жесткой регламентацией всего поведения, глубоко проникающей во все сферы частной и общественной жизни»²⁶. Этой стороны учения Протестантизма мы коснемся в другой главе, но, и в контексте текущего этапа, здесь есть, на что обратить внимание.

Подходящее теоретическое толкование находим у М. Фуко: «Как Реформация, так и Контрреформация предоставили религиозному пастырству гораздо более широкие, нежели в прошлом, возможности контроля, надзора над духовной жизнью индивидов»²⁷. Причем, развивает свою мысль М. Фуко, «пастырство» проникает и в светскую сферу жизни людей, вмешивается в их повседневную жизнь. Вопросы поведения, воспитания и домохозяйства обретают свою значимость наряду с вопросами о наилучшей форме

²⁵ Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990– 1992 гг. С. 243

²⁶ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / М. Вебер Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.61-272 - С. 62

²⁷ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 304

правления в государстве. По мнению французского философа здесь обнаруживает себя особый тип рациональности, «искусство управления». Фуко указывает на расширение техник «поводырства». Вызовы эпохи требовали от суверена принять на себя ряд новых задач. Деятельность суверена, политическая деятельность, оформляется в качестве особой и специфической. Суверен, отныне, имеет дело с *res publica*, политической реальностью.²⁸

Последняя крупная религиозная война в рамках процесса Реформации, вошедшая в историю как Тридцатилетняя война, война между католиками и протестантами в Европе, была завершена подписанием знаменательного мирного соглашения, установившего новый порядок международных отношений, основанных на принципе суверенитета.

К Вестфальскому мирному договору принято относить два соглашения, подписанных в Мюнстере и Оснабрюке, завершивших Восьмидесятилетнюю борьбу Нидерландов за независимость от Испании и Тридцатилетнюю войну за гегемонию Священной Римской империи в Европе. По итогам мирного договора авторитет Священной Римской империи был подорван, государства Европы получили право исповедовать ту или иную религию (католицизм или протестанство) и менять её по своему усмотрению, также и подданные имели право исповедовать религию, отличную от государственной, но гораздо более значимым остается признание европейских государств равноправными суверенными акторами международных отношений. Историки оценивают это событие, как победу политики над религией.

За суверенными государствами признавалось право начала и ведения войн, в их отношении утверждался принцип невмешательства во внутренние дела. Но не только право определять внутреннюю и внешнюю политику, но также право устанавливать экономическую, социальную и культурную стратегию закреплялось за государствами и уважалось всеми участниками международных отношений.

²⁸ См. Там же. С. 302-305

Итак, на фоне религиозного раскола наблюдается концентрация государственности. На границе этих процессов возникает проблематика суверенитета. Империя и Церковь, определявшие историческую и политическую направленность Европы, распадаются и, тем самым, обнаруживают новый порядок – Вестфальскую систему.²⁹ Союзы государств не определяются теперь религиозной принадлежностью и мессианизмом Священной Римской Империи. Государство обретает статус суверенного субъекта исторического процесса. В пространстве торговой конкуренции и колониальных завоеваний утверждаются самодостаточные политические акторы.

М. Фуко так описывает произошедшие перемены: «Этот переход от соперничества государей к конкуренции государств, несомненно, является одним из важных изменений формы того, что можно назвать политической жизнью и историей Запада».³⁰ Конкуренция, о которой говорит М. Фуко, не что иное, как конкуренция сил, стратегия и динамика сил. Категория силы, в то же время, объединяет историко-политический и физический контексты эпохи, как это обнаруживает М. Фуко в учении Лейбница: «Что такое „баланс Европы"? Это идея военно-политической физики наций, где различные противоборствующие силы действуют согласно жестким произвольным ударам друг против друга. [...] Баланс Европы - это проблема не статики, но динамики».³¹

Баланс Европы – это система безопасности, взаимоограничивающая амбиции, рост и усиление государств, с целью их уравнивания. Сильное государство не должно быть настолько сильным, чтобы иметь возможность диктовать свою волю слабому государству. Сила даже наиболее сильного государства должна уравниваться союзом сил слабых государств. При

²⁹ «Конец Римской империи — его необходимо датировать точно 1648 г., то есть годом, когда, наконец, признается, что империя не является окончательным предназначением всех государств, империя уже не является формой, в которой, как следует надеяться или мечтать, однажды сольются все государства». – Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 456

³⁰ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 385

³¹ Цит. по Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 433

этом в качестве законного инструмента политики признается война. Единственный повод, который нужен для войны – это нарушенное равновесие.

Итак, Европа отныне не единая иерархичная система, она – принципиально множественна. Однако в отношении остального мира Европа занимает вполне определенную позицию: «Европа как географический регион множества государств, без единства, но с неравенством между малыми и большими, вступала с остальным миром в отношения использования, колонизации, господства, и эта мысль формируется в конце XVI и в самом начале XVII в., эта мысль принимает свою окончательную форму в середине XVII в. в совокупности договоров, подписанных к этому моменту, и из этой исторической реальности мы все еще не вышли и сегодня. Вот что такое Европа».³²

1.6 Начало колонизации

«Падение Мехико приходится на тот же год, что и Вормсский рейхстаг, ознаменовавший собой подлинное начало Реформации. Жизнь покинула великий ацтекский город; с той поры жертвенные пирамиды были заброшены и заросли травой. Лютер, со своей стороны, поднял открытое восстание против римского язычества».³³

Значительное влияние не только на развитие капитализма, но также на формирование европейской международной системы государств и европейских наций, оказала колонизация. Приобретение колоний европейскими государствами привело к накоплению колоссальных богатств, посредством вывоза из Америки благородных металлов и использования дешевого рабского труда. Колониальная политика доставляла и средства, и стимул для формирования могущественного и централизованного национального государства. В силу повышения значимости атлантических торговых путей, после XV века центры коммерческой и политической деятельности перемещаются на северо-запад Европы. От этого выиграли,

³² Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 389

³³ Багай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. - М.: Ладомир, 2006. – 742 с. - С. 256

прежде всего, Испания, Португалия, Франция, Англия и Нидерланды, что позволило им выйти на недостижимые лидирующие позиции по отношению к остальной Европе. Однако, как указывает Вебер, «всё зависит от формы организации труда».³⁴ Это с наибольшей ясностью прослеживается на примере Испании. Наряду с притоком благородных металлов, в Испании наблюдается регресс капиталистического развития. Благородные металлы были использованы Испанией преимущественно для военных целей, а, следовательно, не задержались в стране и обогатили страны, находившиеся на этапе реорганизации системы труда.

На фоне разложения европейских империй, империи обретают новую жизнь и новую форму за пределами Европы, в Африке, Америке, Азии и на Тихом океане. «Капитализм родился в Европе из крови и пота завоеванных и колонизированных неевропейских народов: «для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента рабство *sans phrase* [без оговорок] в Новом Свете»».³⁵ И снова мы обнаруживаем рационализацию, на этот раз, рационализацию иррациональных дикарей, посредством миссионерской деятельности, или, посредством принуждения к «рациональному» труду.

Глава 2. Социо-культурные предпосылки возникновения идеи суверенитета

Поиск социо-культурных оснований идеи суверенитета предполагает выявление условий возможности её возникновения. Поскольку эта идея возникает в переломный период, период кризиса, период разложения старого порядка, в её характере, очевидно, находят выражение тенденции, соответствующие общей форме исторической ситуации. Переход к Новому Времени соответствует трансформации всего существовавшего состояния сознания европейского человечества. Коренные преобразования распространяются почти на все сферы человеческой деятельности. «Независимое, персонально

³⁴ Вебер М. История хозяйства. С. 319

³⁵ Хардт М., Негри А. Империя. С. 118

мыслящее существо, обнаруженное Декартом, имеет ту же форму, что и разнообразные прочие фигуры, которые возникли приблизительно в то же самое время в Европе эпохи модернити, от индивидуального экономического актора до суверенного национального государства»³⁶, - пишут Майкл Хардт и Антонио Негри. Общий характер представлений, возникших на этом отрезке времени, отмечает и Пьер Бурдьё: «Государство – это единообразный взгляд с высоты птичьего полета на пространство, которое теоретически унифицировано и гомогенизировано актом своего конструирования. По сути дела, это картезианское пространство»³⁷. Наша задача, следовательно, заключается в определении утвердившейся здесь тенденции, в обнаружении её проявлений в предшествующую эпоху.

Эрих Фромм в работе «Бегство от свободы» предлагает рассматривать эту тенденцию как процесс индивидуализации: «Процесс растущего обособления индивида от первоначальных связей - мы можем назвать этот процесс "индивидуализацией", - по-видимому, достиг наивысшей стадии в Новое время, то есть от эпохи Возрождения и до наших дней».³⁸ Многие другие исследователи, среди них, в частности, Якоб Буркхардт и Эрнст Кассирер также отмечают особую важность и исключительную значимость процесса индивидуализации в качестве определяющего направления развития мысли, начиная с эпохи Возрождения. Я. Буркхардт, например, убежден, что в Средние Века человек познавал себя только как часть какой-либо формы общности, и только в Италии XIII века человек становится духовным индивидом.³⁹ Э. Кассирер делает акцент на открытии неисчерпаемого богатства «индивидуальности» как определяющего достижения в области духа, произведенного первыми гуманистами.⁴⁰ Эрих

³⁶ Хардт М., Негри А. Множество. М.: Культурная революция, 2006. С.182

³⁷ Бурдьё П. О государстве. С. 403

³⁸ Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2006. С.38

³⁹ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. — М.: Юристъ, 1996. 591 с. – С. 88

⁴⁰ Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 654 с. – С. 147

Фромм на примере Реформации обнаруживает обратную сторону этого процесса: индивидуализация – это не только развитие личности, свободы и автономии, но также растущее одиночество, чувство «ничтожности» и «беспомощности».⁴¹ Макс Вебер, как мы помним, полагает, что в основании этого процесса лежит специфический рационализм западной культуры, который характеризуется расчетливостью и методичностью.

Более подробная топология представлена подходом М. Хардта и А. Негри. Становление европейской современности, как они полагают, начинается с революционного открытия плана имманенции. Следующий момент – это реакция на имманентные силы, контрреволюция. И, наконец, частичное разрешение кризиса путем подчинения и присвоения имманентных сил новой формой трансценденции. Мы собираемся использовать эту модель в качестве основной, привлекая результаты, достигнутые в рамках других подходов, в качестве дополняющего материала.

2.1 Открытие плана имманенции

Первый момент – революционное открытие плана имманенции. Этот этап характеризуется утверждением прямых и непосредственных отношений человека с Богом и природой. Заслуга этого открытия по праву принадлежит лучшим представителям эпохи Возрождения. Среди первых М. Хардт и А. Негри указывают Дунса Скота и Данте Алигьери. Уже Дунс Скот призывает обратить мысль ко всему единичному, которое представлено миром. «Единичное бытие сильно тем, что оно дает импульс к реализации «totam potentiam intellectum possibilis» — всей мощи «возможного интеллекта», - провозглашает Данте⁴². Речь идет о преодолении отчуждения познавательных сил и мира природы. «...Эпоха сильнейшим образом развивает индивидуализм; затем она побуждает его же к чрезвычайно

⁴¹ См. Фромм Э. Бегство от свободы. С. 50-53

⁴² См. Хардт М., Негри А. Империя. С. 78

прилежному и многостороннему познанию индивидуального во всех его видах»,⁴³ - заключает Якоб Буркхардт.

Остановимся же подробнее на свидетельствах открытия имманенции как важнейшего источника представления о суверенитете. Похожие наблюдения, в частности, предоставляет Э. Кассирер, обнаруживая, что в лирике Петрарки из понятия природы изгоняется всё «чужеродное» и всё «жутко-демоническое».⁴⁴ Далее, Данте и Петрарка впервые обращаются к выражению собственных переживаний и подробному описанию душевных состояний, к тому, что дано самым непосредственным образом. Появляется интерес к изображению повседневной жизни, в частности, в Венецианской живописи. Вслед за Я. Буркхардтом мы вынуждены признать поразительную точность и филигранность в обозначении внешних черт во всех областях искусства, которые историк определяет в заслуги «общей тренированности глаза» – непревзойденным мастером в этом деле, без сомнений, является Джованни Боккаччо.⁴⁵

Перемену, которую мы здесь наблюдаем, можно было бы обозначить как рост интереса к жизни. Современное понимание жизни обнаруживает для нас начало своего формирования в эпоху Возрождения. Это теперь не жизнь христианина ради спасения, не жизнь как искупление (как было в Средневековье), это не жизнь, в которой телесные аффекты суть пороки, в которой смертность – результат грехопадения. Жизнь в своей телесности, запечатленная на полотнах величайших художников, получает здесь новую жизнь; жизнь – это предмет восхищения совершенством форм. Обратная перспектива икон сменяется прямой перспективой пейзажей. Субъект, Автор, Творец отныне не Бог, вернее, не только Он, но человек в своем творчестве уподобляется Творцу. Речь здесь идет о становлении субъекта в современной версии его сборки, вернее, пока только о наметившихся тенденциях в эту сторону,

⁴³ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. С. 200

⁴⁴ См. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. С. 159

⁴⁵ См. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. С. 228

тенденций деистических. Если Бог оставил мир, то Бог оставил этот мир человеку. Именно человеку предстоит вершить историю, строить города, осушать болота, поворачивать русла рек.

Внимание и интерес человека обращается к жизни в её житейскости. Именно это выходит на первый план, когда художники Возрождения и Нового Времени изображают сюжеты повседневного быта, изображают людей никому неизвестных. Мирское, тем самым, обретает особую ценность, самоценность. Писатели обращаются к эпистолярному жанру, к автобиографиям, мемуарам, дневникам. Жизнь оформляется в её индивидуальности. Жизнь человека, сам человек, в мельчайших подробностях и подробнейших деталях, становятся предметом исследования наук естественных, а, следом, и общественных.

Ренессансный гуманизм порождает также представления о человеческом равенстве, о том, что история творится людьми, о том, что знание должно быть практикой преобразования действительности. Познание человека и человечества, распространяемое мыслителями и художниками, приводит к исчезновению значения различий по происхождению. Как указывает Я. Буркхардт, уже Данте в «Пире» связывает понятие *nobile* (знатность, благородство) не с происхождением, а со способностью к нравственным и интеллектуальным совершенствам.⁴⁶ К XV веку – это становится господствующим мнением в итальянских городах; гораздо большее значение приобретают образованность, но и богатство.

Уже у Марсилия Падуанского в его «Защитнике мира» мы находим идею об установлении власти, посредством народного собрания.⁴⁷ Другую сторону политического мышления, не лишённую при этом ренессансного духа, показывает Я. Буркхардт в главе «Государство как произведение

⁴⁶ См. Там же. С. 238

⁴⁷ См. Марсилий Падуанский Защитник мира. *Defensor pacis* / Марсилий Падуанский: Пер. с франц. Б. У. Есенова; науч. ред., вступит. ст., примеч. Г. П. Лупарева. — М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К0», 2014. — 656 с.

искусства»⁴⁸, посвященную тираниям Италии XIV и XV веков. Мы впервые встречаемся здесь с государством как сознательно задуманным построением. «Революционным в этом ряду философских открытий с XIII по XVI столетие было то, что силы созидания, прежде отданные в исключительное распоряжение небес, были возвращены на землю»⁴⁹, - пишут М. Хардт и А. Негри. Другими словами, высвобождение имманентных сил приводит к восстанию свободного человеческого духа против трансцендентной власти средневековой традиции.

2.2 Социо-культурный смысл Реформации

Прежде чем двигаться дальше, нам необходимо сделать несколько замечаний касательно Реформации. Мы уже указывали на значение, которое это событие обретает в политическом и историческом контекстах, однако, оставили в стороне вопрос о её влиянии на интеллектуальную среду. Здесь мы сосредоточимся на социо-культурном смысле этого религиозного движения, которое во многом определило характер европейской современности.

Религиозные войны – выражение необычайно высокого уровня развития масс,⁵⁰ - пишет Фридрих Ницше на страницах своей «Весёлой науки». Для того чтобы началась Реформация, нужно было, чтобы процесс разложения римской Церкви добрался до саксонских земель. Возможно, прав был Ф. Ницше, и также был прав М. Вебер, когда он помещал особого рода рационализм в основание западной европейской культуры. Строго-регламентированный Протестантизм, по всей видимости, в большей степени отвечал требованиям рационального образа мыслей европейца в эпоху, увеличивающего своё влияние, капитализма.

Реформация, согласно М. Веберу, это движение не за свободу, но против традиционализма. В своей первоначальной интенции, Реформация, без-

⁴⁸ См. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. С. 8-87

⁴⁹ Хардт М., Негри А. Империя. С. 80

⁵⁰ См. Ницше Ф. Веселая наука / Пер. с нем. М. Корневой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб.: Издательская Группа. «Азбука-классика», 2010. – 352 с. – С. 170

условно, следует намеченному М. Хардтом и А. Негри плану имманенции. Кальвинистское учение об избранности к спасению предполагает поиск подтверждения своей вере в мирской деятельности. Вера в спасение души, посредством церкви или таинств, отвергалась. Нельзя достигнуть спасения, но также нельзя его потерять: человек обречен на полное духовное одиночество. Смыслом служения Богу, вместе с тем, наделяются социальная и профессиональная деятельности. Усилия человека должны быть направлены на возвеличивание Бога, путем приближения соответствия мира установленным Богом заповедям.

Жорж Батай сосредотачивается на другом значении этого события: «После Реформации общество предпочитает возрастание богатств их немедленному использованию».⁵¹ Средневековая экономика, или экономика римского католицизма, направляла излишние богатства на непроизводительное потребление, но Лютер отказывает богатству в каком-либо смысле, помимо производства. Как указывал М. Вебер, протестантизм – это борьба не с рациональным приобретательством, а с иррациональным использованием имущества.⁵²

Ж. Батай также обнаруживает значение Реформации в строгости мышления, ненаивности и зрелости, честности, остроте и напряженности разума, что, вновь, вслед за М. Вебером можно было бы обозначить рационализмом. «Кальвинизм ознаменовал собой предельное пробуждение и напряжение»,⁵³ - пишет Ж. Батай. Однако, как он считает, бодрствование было недолгим: толпа, обреченная на профанные дела, поддалась дремоте производства, бессмысленной и бесцельной. Лишь в науке и в технической деятельности, сознательная мысль продолжила служить ясному и отчетливому познанию вещей. Истинный смысл Реформации возвращается, по мнению Батая, в марксизме, с той же остротой мышления и ясностью сознания осудившем утвер-

⁵¹ Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. С. 181

⁵² Вебер М. Протестантская этика и «дух» капитализма. С. 197

⁵³ Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология. С. 195

ждение в качестве цели самого процесса действия, и указавшем на необходимость изменения мира, посредством совершения и завершения действия.⁵⁴

Напомним также, что для Эриха Фромма Реформация, прежде всего, выявляет растущую независимость человека от внешних властей, растущую изолированность, чувство ничтожности и бессилия, как аспекты свободы, характеризующие, далее, всю эпоху Нового Времени.⁵⁵

2.3 Контрреволюция и восстановление идеологии принуждения

Итак, открытие плана имманенции, подрывая основы средневекового порядка, незамедлительно вызвало реакцию и выявило кризис формы власти. Трансценденция средневековой культуры была представлена абсолютным дуализмом. Силы имманенции выступили утверждением своей конститутивной мощи, прямым и непосредственным отношением к Богу, природе и истории. Революционные силы эпохи Возрождения были встречены контрреволюцией традиции. Реформация и Контрреформация оказываются лишь наиболее ярким примером их столкновения. Открытие плана имманенции привело к реальным выступлениям «освобожденных сингулярностей». Поскольку возвращение к прошлому, как и полное уничтожение потенциала разрушительной силы открытия, ни в малейшей степени не представлялось возможным, контрреволюция решилась на установление новой трансцендентной власти, стремясь присвоить и подчинить себе мощь освободительного движения. Её задачей было «устранение любых проявлений непосредственного в человеческой жизни и истории».⁵⁶

Действенным оружием реакции в этой борьбе оказывается установление «посредника»: природа и опыт познаваемы посредством явления; познание достижимо посредством рефлексии рассудка; понятия нравственности даны посредством схематизма рассудка. И родоначальником этого проекта

⁵⁴ См. Там же. С. 191-194

⁵⁵ См. Фромм Э. Бегство от свободы. С. 52

⁵⁶ Хардт М., Негри А. Империя. С. 85

становится Рене Декарт. Скажем, Эрнст Кассирер описывает принцип cogito Декарта следующим образом: «...свободная деятельность духа, одним ударом, одним неповторимым актом самодеятельной воли, сбрасывающая с себя всё прошлое и прокладывающая новый путь мыслящему самосознанию».⁵⁷ Многие другие исследователи солидарны с ним и видят в Декарте наследника гуманистического проекта. Однако Майкл Хардт и Антонио Негри обращают наше внимание на «уловку» Декарта. Посредник в учении Декарта не выделен в качестве такового, но он обнаруживается в качестве гаранта всеобщности и необходимости структур мышления. Вслед за Декартом разворачивается проект Просвещения, единственным занятием которого был поиск места для этого посредника и избегание всего прямого и непосредственного. Именно этот факт крепко связывает политику и метафизику, убеждены А. Негри и М. Хардт.

В качестве гипотезы мы предлагаем более мягкую интерпретацию идеи Декарта. Эта идея, родившаяся в один из дней его участия в Тридцатилетней войне, на самом пике кризиса современности, не могла не вобрать в себя конфликтный характер эпохи. Мы стоим на позиции, что «посредник» прокрался в учение Декарта.

В эту схему подчинения плана имманенции вписывается и учение М. Фуко об утрате «заботы о себе» в эпоху современности. Центрированность европейской культуры на другом принципе – «познай самого себя» – связано, как это ни удивительно, также с «картезианским моментом». Доступ к истине в современную эпоху, согласно М. Фуко, был опосредован познанием. «Этой точки озарения, исполненности, момента преобразования субъекта «обратным действием» истины, которое он испытывает на себе и которое встряхивает, пронизывает, преобразует его бытие, — всего этого больше нет»⁵⁸, - вот, что было утрачено по мысли М. Фуко. Предпосылки разведения в разные стороны возможности доступа к истине и духовной работы, состав-

⁵⁷ Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. С. 142

⁵⁸ Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981—1982 учебном году/М Фуко: Пер. сфр. А.Г. Погоняйло—СПб.: Наука, 2007,— 677 с. – С. 30

ляющих имманентный план, М. Фуко предлагает искать в трудах и деятельности богословов.

Глава 3. Идея суверенитета

В идее суверенитета, следовательно, находят отражение высвобожденные эпохой Возрождения имманентные силы, но таким образом, что они оказываются подчинены учрежденному ими аппарату господства. Идея суверенитета становится первым разрешением кризиса современности, как это обнаруживают М. Хардт и А. Негри, но разрешением неокончательным, вбирающим кризис в основу своей структуры. Идея суверенитета вмещает в себя в качестве своих источников революционное движение, выражающее стремление к прямому и непосредственному устройству общества и государства, но также движение контрреволюционное, утверждающее изначальную данность власти и порядка. Мощь освободительного движения обращается против самой себя, когда государство признается произведением её непосредственного самовыражения. Культурные достижения эпохи Возрождения берутся на вооружение аппаратом, против которого они были направлены. Обращенная на практику, на изменение действительности, жизнь человека становится объектом и предметом упорядочивающей деятельности аппарата господства.

Как замечает Мишель Фуко, именно в XVI веке для философии вновь обнаруживают свою ценность вопросы о должном, подобающем, приличном поведении. И точку окончательного поворота здесь вновь ставит Декарт и его «Правило о руководстве ума» и «Рассуждение о методе». Так и круг задач правителя распространяется теперь на деятельность управленческую. Мы уже говорили о связанной с этой новой задачей рациональности – о государственном интересе – как о принципе нового «искусства управления», связанного с развитием административного аппарата, но также с развитием «статистики», первоначально как науки о государстве, что следует из этимологии слова. Объект управления подлежит подсчету и расчету сил и ресурсов. Вообще, понятие населения предполагает, что его действия можно

просчитать, предсказуемость предзадана его структурой. Там, где поведение масс оказывается невыгодным правительству, где оно неожиданно рушит его планы, там следует говорить о народе – такое различие проводит М. Фуко.

3.1 Никколо Макиавелли

Необходимость разработки этой проблемы осознавал и итальянский философ Ренессанса Никколо Макиавелли, отразивший свои наблюдения в трактате «Государь», написанном около 1513 года. Трактат «Государь» посвящен поиску «законов» и механизмов приобретения и удержания политической государственной власти. Никколо Макиавелли заслуженно занимает место в ряду политических философов, сделавших значительный вклад в теоретическую разработку понятия суверенитета. Однако определяющим для Макиавелли, как замечает М. Фуко, всё ещё оказывается суверенитет над территорией. Цель деятельности Государя – это сохранения его владычества над территорией и населяющими её подданными. Речь еще не идет о рациональном управлении государством и усилении его могущества на основе государственного интереса.

В заслугу Макиавелли следует поставить, однако, изобретение «идеи автономии политического», как на это указывает П. Бурдьё.⁵⁹ Макиавелли открывает светский характер политики. Государь, или суверен, в учении итальянского философа не ограничен законами, в том числе и моральными. В усилении и расширении своей власти он, фактически, не ограничен в средствах. Однако он должен «быть угодным народу»,⁶⁰ не совершая ничего, что могло бы вызвать его презрение или ненависть. Другими словами, Макиавелли выявляет идею о том, что у политики есть особые принципы, собственная логика, отличная от тех же в морали и религии. При этом философ указывает

⁵⁹ Бурдьё П. О государстве. С. 609

⁶⁰ Макиавелли Н. Государь. / Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982. С. 354

на прямую зависимость способности удерживать власть, способности располагать к себе народ, вызывая страх, но не вызывая ненависть, от обладания доблестью, связанной с военным искусством. Обращение к более поздним сочинениям итальянского мыслителя, таким как «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» и «История Флоренции», открывает для нас Никколо Макиавелли как поборника республиканских взглядов. Единовластие, выраженное им в трактате «Государь», оказывается лишь одним из этапов на пути построения сильного процветающего республиканского государства.⁶¹ Майкл Хардт и Антонио Негри, в этом отношении, оценивают вклад Макиавелли в идею современной политики как гораздо более значимый. «Для Макиавелли власть всегда имеет республиканский характер; она всегда является продуктом жизни масс и составляет сущность ее выражения»,⁶² - именно такой смысл усматривают американский и итальянский философы в учении Никколо Макиавелли.

В поисках новой формы управления М. Фуко предлагает нам обратиться скорее к Ф. Бэкону, к его разработкам вопроса о мятежах: «Море начинает волноваться тайно, говорит он, и именно эти сигналы, эту семиотику мятежа и следует установить».⁶³ Расчеты у Ф. Бэкона распространяются не на характеристики государя, как это было у Макиавелли, а на экономику и общественное мнение. Народным волнениям следует противопоставить политику избавления от бедности. Именно здесь намечается новый объект власти – население – намечается, но поскольку активная его сторона как экономическая деятельность составляющих его элементов еще не принимается в расчет, остается неосмысленным.

⁶¹ «Однако если мы сопоставим государя, уважающего закон, с подчиняющимся законам народом, то убедимся, что у народа доблести больше, чем у государя. Если же мы сопоставим необузданного государя с тоже необузданным народом, то увидим, что и в этом случае народ допускает менее серьезные ошибки, для исправления которых необходимы более легкие средства». – Антология мировой правовой мысли в 5 тт. Т. 2. С. 656

⁶² Хардт М., Негри А. Империя. С. 157

⁶³ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 366

3.2 Жан Боден

В условиях трагических обстоятельств религиозных войн, охвативших Европу, начинает разрабатывать теорию «государственного суверенитета» французский политик и философ Жан Боден. Испытав влияние протестантизма, в своих трудах он отстаивает позицию сторонника идей сильной королевской власти и религиозной веротерпимости. Публикация «Метода легкого познания истории» в 1566 году приносит ему известность. Окончательный вариант своего учения о государстве философ излагает в «Шести книгах о государстве», изданных в 1576 году.

«Государство есть основанное на праве управление суверенной властью многими семьями и их имуществом»⁶⁴, - начинает свой труд Жан Боден. Именно правовое управление, по мнению философа, отличает государство от шайки воров. В работе «Метод легкого познания истории» он определяет государство, как группу семей, подчиненных одной власти.⁶⁵ То есть именно единой властью создается единство подчиненного ей народа. Такая «реалистическая» позиция французского мыслителя последовательно выражается, например, в социологическом исследовании Пьера Бурдьё. Именно построение государства, описываемое процессами концентрации и монополии, о которых мы говорили выше, создает единое население с общностью языка и определенными границами.⁶⁶

Суверенная власть – это, прежде всего власть постоянная, что следует отличать от власти передаваемой кому-то только на некоторое время, как, например, в случае с римскими диктаторами. В последнем случае обладатель такой власти не может считаться сувереном, но только хранителем «этого могущества». Сувереном же будет считаться тот, кто эту власть передает и, следовательно, может забрать.

⁶⁴ Антология мировой правовой мысли в 5 тт. Т. 2. Европа V – XVII вв. С. 689

⁶⁵ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000. С. 138

⁶⁶ См. 99-102

Поскольку Ж. Боден не ищет оснований государства и суверенитета в «договоре», признавая в качестве таковых лишь силу и насилие,⁶⁷ - это позволяет ему признать полноту власти суверена, абсолютный, неограниченный характер суверенитета, его надзаконность.

Именно характер суверенитета, его форма, определяют статус государств. Так, если суверенитет удерживает Государь, то Государство считается монархией. Если в реализации суверенитета участвует весь народ, то следует говорить о народном государстве; если же – только меньшая часть народа, то речь идет об аристократии. Из этого следует другой принцип суверенитета – его единство и неделимость. Суверенитет не может быть разделен между королем и народом и не может осуществляться ими поочередно.

С Жана Бодена начинается своя история теория права, построенная на принципе суверенитета. Суверен является центром и целью такой правовой системы, её источником и гарантом её функционирования. Суверен необходим и незаменим, поскольку именно он осуществляет власть и поддерживает порядок. Однако в целях и средствах он ограничен действием естественных и божественных законов. В конечном счете, суверенитет есть установленный Богом порядок. Более того, с точки зрения Жана Бодена правомерно говорить о всеобщем государстве и всеобщем суверенитете «всех королевств всех народов», подчиненных власти разума и всеобщих природных законов.⁶⁸

3.3 Экстракт

Идея суверенитета возникает на рубеже XVI – XVII веков в форме рефлексии по поводу новой формы легитимации политической власти, и места государства в системе международных отношений. Под идеей суверенитета, получившей своё обоснование в трудах политических мыслителей эпохи раннего Нового Времени и нашедшей выражение в

⁶⁷ «На самом деле исток политической власти и определение суверенитета кроются в победе одной из этих сторон, победе, делающей одного сувереном, а другого — подданным», - как характеризуют учение Ж. Бодена М. Хардт и А. Негри. – Хардт М., Негри А. Империя. С. 101.

⁶⁸ Там же. С. 148

результатах Вестфальского мира, следует понимать такое представление о внутреннем устройстве государства, которое предполагает наличие признанной верховной власти, облеченной особым «надправовым» статусом и обеспеченной всеобщим взаимным согласием подданных или граждан.

Понятием «суверенитет» обозначается, также, принцип организации системы международных отношений, построенной на основе взаимного признания государствами самостоятельности и независимости друг друга в деле выбора политической, экономической, или любой другой правительственной стратегии, определяемой одним лишь «государственным интересом».

«Государственный интерес», в свою очередь, представляет собой новый тип рациональности, требующий, прежде всего, выделения специфически государственной деятельности в самостоятельную сферу, пространство политического. Кроме того, государственный интерес выражает стремление к эффективности. Сосуществование государств, преследующих собственные государственные интересы, приводит к открытию пространства конкуренции. Таким образом, суверенным государством мы будем считать государство, признанное в качестве такового другими государствами-участниками международной политики.

Именно «государственный интерес», как об этом пишет М. Фуко, открывает «мир бесконечной историчности»,⁶⁹ то есть разрывает логику мессианизма как исторического движения к единой христианской империи. Необходимой формой порядка становится множество государств и их равновесие, как об этом было сказано выше. И инструментами понятого таким образом государственного интереса являются: 1) война, единственным основанием которой отныне становится поддержание равновесия (не допустить усиления другого государства, которое может нарушить баланс); 2) дипломатия, то есть постоянные переговоры, постоянные отношения между государствами, преследующими собственные интересы; 3) введение постоянного военного

⁶⁹ Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 379

устройства как важнейшего элемента возможности европейского равновесия и конкуренции государств.⁷⁰

Итак, суверенитет – это принцип порядка европейской современности, основанный на признании высшей верховной власти государства в пределах территории. При таком понимании отпадает необходимость различения внутреннего и внешнего суверенитета, поскольку внешний суверенитет оказывается производным от внутреннего и может быть выведен из него.

Глава 4. Идея суверенитета в теории «общественного договора»

«Годичный труд каждого народа представляет собою первоначальный фонд, который доставляет ему все необходимые для существования и удобства жизни продукты, потребляемые им в течение года и состоящие всегда или из непосредственных продуктов этого труда, или из того, что приобретается в обмен на эти продукты у других народов»⁷¹, - так начинает свой труд классик экономической мысли Адам Смит. В том, что оказывается началом, нас удивляет, однако, не только способ приобретения фонда, который является первоначальным, но также его обладатель, существующий в качестве третьего элемента формулы, отсылающей к истоку. Народ, противопоставляемый разрозненной толпе, это такая форма человеческой общности, которая уже обладает первоначальным фондом, как результатом годичного труда, но также и разделением труда, необходимым для производства излишков, отходящих в запасы.

Люди, очевидно, не пребывали в изначальном единстве, существуя на раннем этапе лишь в форме естественных общностей, семей. Общественная же, или государственная, ассоциация не могла быть достигнута посредством природных инстинктов человека. В рамках теории «общественного договора» происхождение организованной формы сосуществования принято объяснять разумным сознательным заключением контракта, взаимного соглашения лю-

⁷⁰ См. Там же. С. 391-398

⁷¹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2 тт. М.-Л., 1935. Т. 1 С. 4

дей для совместного противостояния неудобствам, опасностям и угрозам, связанным с естественным состоянием. Обязуясь соблюдать провозглашаемые установления, участники договора учреждают также форму контроля и исполнения общей воли. Так, на пороге Нового Времени, объясняли возникновение государства и верховной власти суверена.

В классической теории суверенитета власть рассматривается как право, которым можно обладать как благом и которое, следовательно, можно передать полностью или частично, посредством соглашения. Политический суверенитет образуется как раз актом передачи этой власти. Проблема верховной власти занимает в этой теории центральное место, поскольку главной задачей теории является подтверждение законности власти.

Теория общественного договора призвана легитимировать новый тип суверенитета, при котором свободные граждане таким образом распределили суверенность, что она сконцентрировалась, аккумулировалась в Государстве, правительстве, Суверене. Государство и общество необходимы человеку, поскольку он от природы стремится к такой жизни, достичь которую в одиночку не может, - говорят нам сторонники этой теории. Человек реализует себя в гражданском обществе или Государстве как гражданин. Согласно М. Фуко, зарождается новый порядок на рыночной площади, где имеет место некоторая самоорганизация нерегламентированных отношений равных субъектов, где правят механизмы конкуренции в чистом виде, где свобода демонстрирует свою ценность через эффективность. Вот, где теория общественного договора обнаруживает свою актуальность. И поскольку власть первичным образом проникает в частную жизнь человека через экономику, государство не упускает шанса взять рынок под контроль. Однако, как показывает М. Фуко, на примере такого события, как голод, не скоро, но все же выясняется, что любые попытки вмешаться в независимое функционирование рыночной машины влечет негативные, пагубные последствия. Правление должно от начала и до конца сопутствовать рыночной экономике, - заключает М. Фуко.

М. Фуко замечает и другую ценную деталь общую всей классической теории суверенитета: суверен для того, чтобы быть сувереном, обязан преследовать определенную цель – благо народа. Однако, как выясняется, это общественное благо не что иное, как повиновение закону.⁷² И здесь возникает логический круг. Целью осуществления верховной власти оказывается само это осуществление, то есть суверенитет всегда направлен ни больше ни меньше как на собственную реализацию.

Далее обратимся к частностям развития теории в учениях Гуго Гроция, Томаса Гоббса, Джона Локка, Бенедикта Спинозы и Жан-Жака Руссо.

4.1 Гуго Гроций

Гуго Гроций родился в Нидерландах в 1583 году. Не знавший мирного времени своей страны, он посвящает жизнь исследованию вопросов права войны и мира. В своем обширном одноименном сочинении «О праве войны и мира» он одним из первых обращается к изучению и конструированию теории международного права.

Г. Гроций определяет государство как «совершенный союз свободных людей, заключенный ради соблюдения права и общей пользы».⁷³ Важнейшая функция государства, таким образом, согласно Г. Гроцию, – обеспечение общественного спокойствия. Эта первичная ответственность и наделяет государство неограниченной верховной властью, «верховным правом распоряжения людьми и их достоянием».⁷⁴ Для применения права верховной собственности необходимо, как минимум, наличие государственного интереса, а также возмещение из казны тому, кто лишился своего права. Юрисдикция верховной власти заключается в законодательстве и правосудии. Верховная власть в учении Г. Гроция «едина и нераздельна», и лишь формальным образом подразделяется на разные институты.

⁷² «Общественное благо по своей сути есть повиновение закону». – Фуко М. Безопасность, территория, население. С. 148

⁷³ Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 74

⁷⁴ Там же. С. 19

Носителем такой власти выступает государство в целом, что позволяет философу обойти стороной теоретический парадокс этого вопроса. Тем не менее, Г. Гроций открыто выступает против принципа народного суверенитета, допуская возможность окончательного и бесповоротного отказа от верховной власти и передачи её другому лицу. Народ, следовательно, если и был когда-то носителем суверенитета, им уже более не является, и, в силу этого, не обладает также и правом противиться воле правителя посредством восстаний и революций, кроме случаев явной опасности жизни. Среди причин возможности такого отказа, Г. Гроций называет, в частности, столкновение с крайней опасностью, которую иначе, чем обратившись за помощью к властному военачальнику, избежать нельзя. Таким образом, голландский мыслитель опровергает тезис о том, что «наделяющий властью всегда выше получающего её», поскольку, однажды отказавшись от власти, народ сохраняет лишь право подчиняться.

Запрет на всеобщее право сопротивления верховной власти оправдывается необходимостью сохранения общественного спокойствия и государственного порядка. Но если государи обладают властью на правах узуфрукта⁷⁵, то преступления против закона, совершаемые государями, согласно теории Г. Гроция, наказываются в том числе и смертью.

Носитель власти, согласно Г. Гроцию, определяется нравами и законами того или иного народа. Престолонаследие не может считаться доказательством неограниченности власти правителя, поскольку это не способ приобретения власти, а лишь порядок её передачи. Доверяя более фактической действительности, нежели разумению должного, Г. Гроций не соглашается и с другим аргументом сторонников народовластия об учреждении государства ради тех, кем управляют, а не ради того, кто управляет. Так, например, власть завоевателя не преследует интересы управляемых. Но и власть опекуна не должна подчиняться воле подопечных.

⁷⁵ Узуфрукт – это правопользование, с условием сохранения целостности, ценности и назначения вещи.

Среди способов обладания верховной властью Г. Гроций выделяет обладание властью на правах полной собственности и на правах узуфрукта. Государства, построенные по принципу права полной собственности на верховную власть, он называет вотчинными, и признает за их правителями право на отчуждение власти в пользу любого суверена. Те же, кого выбрал народ, обладают властью лишь на правах узуфрукта, и их власть ограничена условиями, оглашенными в акте избрания.

Постоянный характер власти, отмечаемый Ж. Боденом, не является решающим критерием для определения верховности власти у Г. Гроция. Продолжительность, по мнению философа, не может оказывать влияние на природу вещи. Для прояснения различий постоянной и временной власти, Г. Гроций обращается к другому понятию – достоинство власти, величество. Постоянный обладатель власти, таким образом, отмечается более высокой степенью достоинства.

Г. Гроций определяет право как «нравственное качество, присущее личности, в силу которого можно законно владеть чем-нибудь или действовать так или иначе». Право, согласно определению Г. Гроция, – это не что иное, как способность. И этой «совершенной нравственной способностью» охватываются власть над собой, то есть свобода; власть над другими, отеческая или господская; собственность; и право требования по договору.

Публичная область власти суверена состоит в таких действиях, как заключение мира, объявление войны, заключение договоров, сбор налогов и право верховенства над гражданами и их имуществом в интересах государства. Частная область заключается в отправлении правосудия. При этом некоторые из обязанностей суверен вправе поручить должностным лицам.

В своем сочинении Г. Гроций разрабатывает понятие «право народов», которое есть результат взаимного соглашения из соображений пользы всей совокупности человеческих сообществ. Одним из доказательств действительности права народов является существование института посольства. Публичную справедливую войну, единственную имеющую «торжественный

характер» по праву народов, может вести только суверен. Г. Гроций не признает за сувереном право нарушать данные обещания, даже в отношении неприятелей, поскольку это подрывает основы международного права.

Не соглашается он и с тем, что во время войны прекращаются все права. Более того, необходимо даже «тщательнее прислушиваться» к совести ради того, чтобы война была справедлива, поскольку вечные естественные законы и право народов не замолкают никогда.

При неравных союзных договорах, когда силы держав не равны, и когда одна сторона в силу договора обязана поддерживать верховенство и величие другой стороны, всё же сохраняется свобода народа, или царя, следовательно, сохраняется и верховная власть, поскольку в таком договоре может быть признано «преимущество чести и достоинства», но не верховенство власти другой стороны. Даже обязательство платить дань не умаляет верховенства власти, но лишь достоинство такого государства. Международное право не устанавливает верховную судебную инстанцию. Право взыскать ущерб со стороны, явно нарушившей договор, относится к равным субъектам.

В учении Гуго Гроция мы можем обнаружить уже созревшие плоды политической мысли Нового Времени. Через три года после его смерти заключается Вестфальский мир, объявляющий национальную и религиозную независимость европейских государств. Величество, отмеченное Ж. Боденом в качестве синонима суверенитета, Г. Гроций наделяет более конкретным значением. Отделение достоинства от верховенства служит практическим целям признания самостоятельности и независимости ряда государств, связанных союзными договорами разной степени неравенства.

4.2 Томас Гоббс и Джон Локк

Учения Томаса Гоббса и Джона Локка имеют немало теоретических пересечений, в силу чего оказывается необходимым сравнительный анализ их подходов. Если Гоббс представляет монархическую традицию, то Локк отстаивает либеральную форму государственного устройства. Расходятся они, в част-

ности, во взглядах на догосударственное состояние, по вопросу о происхождении права собственности, а также в признании права на законное восстание народа против суверена.

Т. Гоббс описывает государство как «искусственное животное», Левиафан, используя эту метафору для проведения аналогии с организмом человека. Так, например, верховная власть будет его душой, справедливость и законы – его разумом, а благосостояние и богатство – его силой.⁷⁶

Примечательно, что у Дж. Локка верховная власть оказывается властью законодательной, поскольку именно высшей власти подлежит предписывать законы низшей и подданным. Законы – это основное орудие и средство для достижения главной цели политического сообщества, а именно мирного и безопасного пользования своей собственностью.

Законодательная власть определяется у Дж. Локка как та, «которая имеет право указывать, как должна быть употреблена сила государства для сохранения сообщества и его членов».⁷⁷ Непрерывное исполнение законов обеспечивает исполнительная власть. Дж. Локк называет также еще одну ветвь власти, соответствующую природной власти, которой каждый человек обладал до того, как вступил в сообщество. Поскольку между независимыми сообществами не существует общего суда и единой власти, то они пребывают в естественном состоянии. Следовательно, сообществу как единому целому принадлежит федеративная власть, то есть право войны и мира, право участвовать в коалициях и союзах и право вести дела со всеми лицами и сообществами вне данного государства.

Догосударственное существование людей Томас Гоббс описывает как «естественное состояние», где господствует принцип «человек человеку волк». В отсутствии законного защитника жизни людей, в отсутствии закрепленной собственности, всем принадлежит право на всё, и это есть не что иное, как «война всех против всех». И отнюдь не социальная природа челове-

⁷⁶ Гоббс Т. Левиафан. / Гоббс Т. Сочинения в 2 тт. Т. 2. С.6

⁷⁷ Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. Сочинения: В 3 т./Пер. с англ. и лат. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин.—М.: Мысль, 1988.— С. 135-404. - С. 346

ка заставляет людей выйти из этого состояния, но взаимный страх друг перед другом. Здесь в игру вступают естественные законы, которые Т. Гоббс определяет как веление правого разума относительно того, что следует совершать и не совершать для наиболее продолжительного сохранения жизни и цельности своего тела.

Естественные законы предоставляют каждому безопасность, но для того, чтобы их соблюдение достигло своей цели, необходимы определенные гарантии. Так, посредством соглашения каждого с каждым о подчинении воле одного лица или совета, возникает государство. При этом участники договора переносят на определенное лицо свое право распоряжаться своими силами и способностями, с тем, чтобы государство обладало силами достаточными для защиты и поддержания общего мира. Гражданские законы, у Т. Гоббса, это, своего рода, «искусственные цепи», которыми распоряжается верховный властитель. В таком случае, свобода подданных осуществляется в действиях, о которых правила умалчивают. Однако свобода защищать свою жизнь не может быть отобрана даже на законных основаниях.

Естественное состояние у Дж. Локка это состояние полной свободы, но не состояние своеволия. Естественное состояние управляется законом природы и разумом. В таком естественном состоянии находятся все государи и правители независимых государств. А состояние войны, как состояние вражды и разрушения, создается бесправной силой, независимо оттого есть общий судья или же нет. И именно состояние войны – главная причина образования общества и отказа от естественного состояния.

Естественная свобода человека заключается в том, что он руководствуется только законом природы. Свобода человека в обществе ограничена также и теми законами, которые установлены верховной властью. Поскольку люди, согласно учению Дж. Локка, по природе являются свободными, равными и независимыми, то единственный путь установления гражданского общества – это соглашение с другими людьми об объединении в сообщество. Главной целью такого объединения является сохранение собственности.

Несмотря на расхождение в представлении о естественном состоянии, оба философа приходят к признанию войны, в качестве решающего фактора объединения людей в государство. Мы уже говорили о роли войны в зарождающемся международном порядке. Война в учениях Томаса Гоббса и Джона Локка вытесняется за границы государства. «При рождении большого механизма, составляющего государство, суверена, Левиафана, в основании его порядка, позади его мира, ниже уровня закона для Гоббса существует не просто война, а самая большая из всех войн, она присутствует в каждом мгновении общественной жизни и во всех ее измерениях: «война всех со всеми»,⁷⁸ - пишет М. Фуко. И суверенная власть создается этой волей к предпочтению жизни перед смертью. Однако «война» постоянно существует как опасность, как угроза, и, в этом смысле, интересен взгляд философов на вопрос о праве восстания, решение которого зависит от их понимания природы власти, а также от их отношения к праву на собственность.

Именно верховная власть, у Гоббса, впервые определяет границы «моего» и «твоего». Томас Гоббс определяет собственность как «правила, указывающие каждому человеку, какими благами он может пользоваться и какие действия он может предпринять, не оказываясь стесненным в этом отношении кем-либо из своих сограждан».⁷⁹ «Номос», или распределение, является актом суверена. И первое решение о распределении касается раздела самой земли. Если у Т. Гоббса собственность связана с установлением суверена, а именно с разделом земли, в первую очередь, то у Дж. Локка собственность начинается с действия изъятия и извлечения предмета из его природного состояния. То есть собственность, согласно Дж. Локку, обеспечивается трудом человека. Поэтому у Дж. Локка верховная власть не имеет права лишить какого-либо подданного его собственности без его согласия. Более того, мы обнаруживаем у Дж. Локка следующий пассаж: «каждый человек обладает некоторой собственностью, заключающейся в его собственной личности, на ко-

⁷⁸ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 103

⁷⁹ Гоббс Т. Левиафан. / Гоббс Т. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1991. С. 139

торуую никто, кроме него самого, не имеет никаких прав».⁸⁰ К тому же, Дж. Локк допускает право на восстание народа против власти, нарушившей оказанное ей доверие. У Т. Гоббса же верховная власть обладает абсолютным правом на собственность своих подданных. Причем в акте перенесения своей власти на другого власть отчуждается полностью и целиком, что лишает народ права на восстание. «Следовательно, логическая и историческая необходимость восстания включается в исторический анализ, который раскрывает войну как постоянную черту общественных отношений, как саму ткань и тайну институтов и систем власти. И я думаю, что это и был великий противник Гоббса. Это то, чему он противопоставил «Левиафана», это противник всего философско-юридического дискурса, служившего цели обоснования суверенной власти»⁸¹, - пишет М. Фуко.

В теории М. Фуко переход от Т. Гоббса к Дж. Локку обозначает переход от теории государства к теории правления, в силу признания у Дж. Локка преимущества гражданского общества над государством. Здесь также имеет значение привилегированное положение права собственности в учении Дж. Локка, поскольку собственность есть основание гражданского общества, составленного экономическими субъектами.

Именно учение Томаса Гоббса, как указывают М. Хардт и А. Негри, закладывает основы теории суверенитета, которая призвана примирить массы людей с данным им от века порядком. Определяющим здесь является признание полного отчуждения суверенности индивида в пользу государства, но также страх возвращения в естественное состояние «войны всех против всех», наделяющие суверена неограниченной властью. Значимым в этом контексте оказывается также различение Гоббсом народа и толпы. Толпа («*multitudo*» в тексте Т. Гоббса) – это одно из центральных понятий М. Хардта и А. Негри, которое избегает опосредованности через навязанную идентичность, как, например, в случае с нацией. Массы, или множество

⁸⁰ Локк Дж. Два трактата о правлении. С. 277

⁸¹ Фуко М. Нужно защищать общество. С. 125

обладают конститутивными, созидательными силами, народ же конституирован и готов для суверенитета.⁸² Именно народу в учении Т. Гоббса принадлежит суверенитет, то есть и в монархическом государстве: «И при монархии подданные — это толпа, а, как это ни парадоксально, царь есть народ».⁸³ Такая расстановка сил позволяет признавать любые по численности выступления масс оскорблением величества народа.

4.3 Бенедикт Спиноза и Жан-Жак Руссо

В творчестве Бенедикта Спинозы и Жан-Жака Руссо осуществляется переход к народному суверенитету, в представлении которого они, однако, не сходятся. Предлагаем проследить и другие расхождения философов в вопросах об устройстве общества и государства.

То право, которое каждый переносит на определенное лицо или группу, у Спинозы является производным от права природы, которое связано с мощью. Другими словами, каждый имеет верховное право на все, что он может. Таким образом, верховное право есть власть принуждать всех силой или удерживать страхом. Если каждый переносит всю свою мощь на общество, единицу которого он составляет, то образуется демократия. Причем каждый имеет целью этого действия свою собственную пользу, а, значит, действует свободно. Однако Спиноза подчеркивает невозможность полного перенесения своей мощи и права, поскольку люди не могут подвергнуть отчуждению свою человеческую природу.⁸⁴

Итак, цель государства у Спинозы – свобода. А человек свободен в той степени, в какой руководствуется разумом. Существенно, что, в силу природной склонности к аффектам, люди от природы – враги, здесь Спиноза приближается, скорее к Гоббсу, чем к Локку. И именно здравый разум повелевает

⁸² Хардт М., Негри А. Империя. С. 105

⁸³ Гоббс Т. О гражданине. С. 395

⁸⁴ «Ибо никто не будет в состоянии когда-либо перенести на другого свою мощь, а следовательно, и свое право так, чтобы перестать быть человеком; и никогда не будет существовать какая-либо такая верховная власть, которая могла бы выполнить все так, как она хочет». – Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М.: Академический проект, 2015. С. 183

уступить часть своеправия в пользу верховной власти. Разумность поведения составляет свободу человека, как и разумность ведения государственных дел составляет своеправие государства: «Государство постольку чужеправно, поскольку оно боится мощи другого государства или поскольку это последнее противодействует ему в достижении его целей, или поскольку оно нуждается для своего сохранения и процветания в помощи другого».⁸⁵

В полном смысле абсолютная власть у Спинозы, вопреки представлениям того же Бодена, может принадлежать только народу в условиях демократии. Только государство имеет право решать, что хорошо, а что дурно. Но, как пишет Спиноза, и государство способно совершать преступление, если «делает или терпит то, что может быть причиной его гибели».⁸⁶ Снова звучит идея о естественном состоянии, в котором находятся два государства. Действительно, поскольку верховная власть – это совокупная мощь всех волей индивидуумов государства, то это лицо, которое образуется актом их подчинения удерживает естественное право, которое не отчуждается им еще в пользу наднациональных образований.

М. Хардт и А. Негри видят в Спинозе единственное подтверждение того, что проект Возрождения, открывший план имманенции, не был искоренен без остатка. Речь, прежде всего, идет об абсолютном характере демократии, признаваемым Спинозой. В учении Спинозы М. Хардт и А. Негри находят радикальный проект освобождения и противостояния власти трансценденции европейской политики и метафизики: «Основной целью Спинозы является онтологическое развитие единства истинного знания и телесного совершенства человека вместе с доведенным до конца процессом создания сингулярной и коллективной имманентности».⁸⁷ Абсолютная демократия Спинозы – это основа всякого общества. Наша коммуникация, будь то политическая или экономическая, основана на принципе демократического взаимодействия

⁸⁵ Там же. С. 258

⁸⁶ Там же. С. 262

⁸⁷ Хардт М., Негри А. Империя. С. 177

и иначе была бы невозможна. Потому, как пишут М. Хардт и А. Негри, другие виды правления являются искажением человеческого общества, в то время как демократия оказывается его естественным воплощением.⁸⁸

Жан-Жак Руссо в своих сочинениях «О причинах происхождения неравенства» и «Об общественном договоре» обрушивается с критикой на всю предшествующую традицию политической мысли и детально разбирает основные положения теории суверенитета.

Итак, он выделяет два неравенства: одно – естественное, другое – политическое, зависящее от «соглашений». В конечном счете, то второе неравенство, которое устанавливается самими людьми, лишь укрепляет природное неравенство. Относительно естественного состояния Руссо занимает промежуточную позицию между Гоббсом и Локком. Он заключает, что в естественном состоянии человек действительно робок, относительно неизвестных предметов, однако, бесстрашен, поскольку ежедневно вынужден сталкиваться с дикими животными. Роль законов в естественном состоянии выполняет сострадание. Естественный императив Руссо звучит следующим образом: «заботься о благе твоём, причиняя как можно меньше зла другому».⁸⁹

Наблюдая за своими соплеменниками, еще пока дикий человек познаёт, что единственная движущая сила поступков – стремление к благополучию. Именно таким образом, естественно, происходит кооперирование людей для достижения интересов. Эта естественная эпоха описывается у Руссо как счастливейшее время существования человека: «Только роковая случайность могла заставить человека выйти из этого состояния».⁹⁰ Разделение труда, появление собственности, исчезновение равенства сделали из человека раба, его труд стал необходимостью. Первые уставы правосудия по вопросу собственности появились, когда землю стали обрабатывать. И это право не вытекало

⁸⁸ Хардт М., Негри А. Множество. С. 381

⁸⁹ Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. Спб., 1907. С. 59

⁹⁰ Там же. С. 77

из естественного закона. Гражданское право постепенно вытесняет естественный закон в область международного права.

Согласно Руссо, общественное состояние не имеет изначальной связи с установлением верховной власти: «нужно было, чтобы неудобства и беспорядки продолжали беспрестанно умножаться, чтобы людям, в конце концов, пришла мысль вверить отдельным лицам опасную вещь — публичную власть и возложить на магистратов заботу надзирать за соблюдением решений народа».⁹¹

Лишь тем правом, которое вытекает из соглашений между людьми, люди могут распоряжаться, вплоть до полного его отчуждения. Однако жизнь и свобода, как природное достояние, не могут быть переданы другому, поскольку это уничтожило бы само естество человека. Следовательно, Правление не может быть неограниченным, и в крайних его формах противоречит своим собственным установлениям, приближаясь к естественному праву, праву сильного. Более того, такая власть не может быть основанием прав общества, в силу своей незаконности. В результате установления собственности и законов незначительное естественное неравенство растет и узаконивается. Право, согласно Руссо, следует отличать от силы. Власть, основанная на праве, может устанавливаться только для пользы управляемых, здесь Руссо полемизирует Гроцием.

Когда философы полагали, что народ может поставить над собой верховную власть, по наблюдениям Руссо, они обходили стороной вопрос о том, как народ становится народом. Народ становится народом в результате определенного акта, который предшествует акту избрания короля. И именно этот акт составляет основание общества. В этом соглашении устанавливается закон большинства голосов. Этим соглашением создается такая форма ассоциации, когда каждый находится в безопасности и подчиняется только самому себе, как части целого. Отчуждение каждого создает равные условия: «каждый приобретает эквивалент того, что теряет, и получает больше силы для

⁹¹ Там же. С. 90

сохранения того, что имеет».⁹² Таким образом конституируется Политический организм, выражающий своим единством общую волю.

В этом акте ассоциации каждый индивидуум выступает одновременно и как член суверена в отношении народа, и как член государства в отношении к суверену. Будучи образован из частных лиц, суверен не может иметь интересов, противоречащих интересам этих лиц: «Суверен уже в силу того, что он существует, является всегда тем, чем он должен быть».⁹³

Собственность у Руссо не есть естественное право, как мы это находим у Локка. Её, согласно французскому мыслителю, следует отличать от обладания, которое есть лишь результат силы. Собственность устанавливается правом.

Итак, суверенитет есть осуществление общей воли, а суверен – коллективное существо: «неотчуждаем, он неделим, ибо воля либо является общей, либо ею не является; она являет собою волю народа как целого, либо – только одной его части. В первом случае это провозглашенная воля есть акт суверенитета и создает закон. Во втором случае – это лишь частная воля или акт магистратуры; это, самое большее, - декрет».⁹⁴ Суверен не принимает решения о частностях и знает лишь «нацию как целое».

От суверена следует отличать Правительство. Правительство может быть законосообразным, только если будет служителем суверена. Воля политического организма – власть законодательная, сила же его – власть исполнительная. При этом если законодательная власть может принадлежать лишь народу, то исполнительная, напротив, всей массе народа принадлежать не может, поскольку выражается в актах частного характера. Правительство осуществляет связь государства и суверена. При этом правительство учреждается отнюдь не договором, а законом, и должностные лица не господа, но чиновники, служители суверена, то есть народа. Для М. Фуко в этом варианте

⁹² Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. С. 13

⁹³ Там же. С. 16

⁹⁴ Там же. С. 22

теории, наконец, достигает уровня политической науки «искусство управления», и, также, именно здесь конструируется модель «парламентской демократии».

Полное отчуждение прав каждого, обеспечивающее общую волю, сближает теорию Ж.-Ж. Руссо с теорией Т. Гоббса.⁹⁵ Суверенитет Руссо – это единая трансцендентная власть. Народ отделен от неё посредством представительства, ведь «общая воля» предполагает единый голос и не учитывает многообразие «множества».⁹⁶ Налицо всё те же «трансценденция» и «репрезентация», которые уже представляли перед нами в образе Левиафана.

Суверенитет эпохи современности

Суверенитет эпохи современности находит своё выражение в завершённом виде в философской системе Георга Фридриха Вильгельма Гегеля. Вслед за М. Хардтом и А. Негри мы можем представить себе его учение о суверенитете в виде синтеза позиций Томаса Гоббса и Жан-Жака Руссо – абсолютизма и республиканизма, соответственно – синтеза, осуществленного посредством осознания их единства в качестве двух аспектов теории. Однако такое представление составляет только форму идеи суверенитета, содержанием же суверенитета оказывается теория стоимости Адама Смита, то есть утверждение рынка в качестве принципа определения стоимости, или принципа установления истины, как предпочел бы сказать Мишель Фуко.

Теория стоимости Адама Смита служит согласованию частных целей и общественного интереса. Как пишет А. Смит: «Каждый отдельный человек... Преследуя свои собственные интересы, он часто более действительным образом служит интересам общества, чем тогда, когда сознательно стремится делать это».⁹⁷ Главная роль в этом процессе отводится «невидимой руке»

⁹⁵ «В качестве модели суверенитета «республиканский абсолютизм» Руссо фактически совершенно не отличается от «Бога на земле» у Гоббса, от монархического абсолютизма». – Хардт М., Негри А. Империя. С. 90

⁹⁶ См. Хардт М., Негри А. Множество. С. 295

⁹⁷ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов в 2-х тт. Т. 2 – С. 30

рынка. Однако сама по себе «невидимая рука», как замечают М. Хардт и А. Негри, противоречие между частным обогащением и общественным интересом не снимает. Политэкономия постулирует здесь больше: во-первых, «невидимая рука» признается продуктом самой политэкономии, то есть речь идет об «утверждении системы естественной свободы» - это уже, во-вторых, и, в-третьих – требуется наличие государства и его минимальный, но эффективный контроль: государство устанавливает единое измерение стоимости и представляет собой «ось рациональности механизма посредничества между интересами». ⁹⁸

Согласно Гегелю, «в основании современного общества – всеобщая конкуренция свободных собственников, обретающих и удерживающих свою позицию в общественном развитии благодаря деятельности, основанной на их собственных силах». ⁹⁹ В конкретном применении к исторической ситуации, пишет Г. Гегель, понятия Философии права особым неслучайным образом раскрываются в своих производных состояниях: понятие субъекта свидетельствует о внутренней связи с обособленным экономическим человеком; понятие свободы – о своей связи с собственностью; понятие разума – о своей соотнесенности с тем фактом, что в сфере взаимной конкуренции отсутствует действительная универсальность или всеобщность; естественный закон становится законом общества взаимной конкуренции. ¹⁰⁰ Капиталистический характер суверенитета явлен Г. Гегелю со всей очевидностью, однако, взаимоупорядочивание разнонаправленных интересов, посредством действия некоторых естественных механизмов, на взгляд философа, не представляется правдоподобным. «Из непримиримого конфликта единичных интересов, лежащих в основе современных общественных отношений, внутренние механизмы, присущие этому обществу, не могут создать никакого общего интереса. Всеобщее надо налагать на обособленные проявления единичного как бы

⁹⁸ Хардт М., Негри А. Империя. С. 91

⁹⁹ Маркузе Г. Разум и революция. СПб.: Владимир Даль, 2000. - 541 с. – С. 238

¹⁰⁰ См. Там же. С. 241

против их воли, и отношение, которое возникает между индивидами и государством, не может быть равным отношению между индивидами»,¹⁰¹ - утверждает Г. Гегель. Задачу по согласованию общественного и индивидуального берет на себя государство.

Такая позиция идёт в явный разрез с результатами исследований возникающих приблизительно в это же время новых практик искусства управления, добытых Мишелем Фуко и представленных в формате лекционного курса. В «Рождении биополитики» речь также идет о таком продукте развития капитализма, как «экономический человек», или «*homo oeconomicus*». *Homo oeconomicus*, как о нем говорит М. Фуко, функционирует «как субъект индивидуального интереса внутри всеобщности, которая от него ускользает и которая тем не менее обосновывает рациональность его эгоистического выбора»,¹⁰² - М. Фуко имеет в виду механизм «невидимой руки» рынка. «Рука», по-видимому, должна быть невидима, а каждый из деятелей должен пребывать в неведении относительно принципа «естественного рыночного распределения», поскольку именно таким образом достигается общественное благо. М. Фуко предлагает тезис, прямо противоположный тому, который мы приводили выше со стороны Гегеля: «Невидимая рука, спонтанно комбинирующая интересы, в то же время запрещает любую форму вмешательства, более того, любую форму взгляда сверху, которая позволила бы тотализировать экономический процесс».¹⁰³ Та же позиция Гегеля снова сказывается в его отказе от идеи общественного договора в пользу идеи государства: «Соперничающие между собой индивидуальные интересы не в силах породить систему, которая гарантировала бы последовательное развитие целого, их надо подчинять несомненному авторитету».¹⁰⁴

¹⁰¹ Там же. С. 228-229

¹⁰² Фуко М. Рождение биополитики. С. 346-347

¹⁰³ Там же. С. 349

¹⁰⁴ Маркузе Г. Разум и революция. С. 229

Продолжая линию, намеченную М. Хардтом и А. Негри, мы предлагаем гипотезу, согласно которой ответ следует искать в эпистемологических предпосылках Гегеля. Ведь, поскольку: «Разум – это совокупность объективных идей и принципов мышления, отражающих всеобщие в своей значимости условия и нормы»,¹⁰⁵ - то множество обособленных экономических агентов, индивидуумов, преследующих частные интересы, не могут выступать для власти ничем иным, как объектом упорядочивания, рационализации.

Мы снова становимся свидетелями кризиса современности и попытки обезвредить, подчинить себе имманентные конститутивные силы, теперь уже, трансцендентальным аппаратом господства. То есть, несомненно, Гегель «восстанавливает горизонт имманентности, устраняет недостоверность познания, нерешительность действия и фидеистскую двусмысленность кантианства»¹⁰⁶, но его абсолютный идеализм и критический рационализм приводят к тому, что имманентность оказывается ослеплена диалектической телеологией, утрачивая свой потенциал.

В то же время революционный заряд обнаруживают выделенные Мишелем Фуко социально-экономические открытия. Экономическая сфера ускользает из-под власти суверена, и он не может ничего с этим поделать: «Ансамбль экономических процессов не может не ускользнуть от взгляда, который желает быть взглядом центральным, тотализирующим и всеохватывающим».¹⁰⁷

Так или иначе, рациональное государство Гегеля вполне подходило на роль новой формы порядка, успешно осуществляя опосредование имманентных сил с помощью «гражданского общества»: «Институты гражданского общества выполняли функцию пропускных каналов, по которым перемещались социальные и экономические силы, собирая последние в нерушимое единство и вновь расходясь в стороны, подобно ирригационной системе, рас-

¹⁰⁵ Там же. С. 33

¹⁰⁶ Хардт М., Негри А. Империя. С. 87

¹⁰⁷ Фуко М. Рождение биополитики. С. 364

пределяя силу этого единства по всему имманентному социальному пространству». ¹⁰⁸

Государство в учении Гегеля означает, с одной стороны, внешнюю необходимость, высшую власть, которой подчинены и от которой зависят законы и интересы частного права и частного блага, семьи и гражданского общества, но, с другой – оно есть их «имманентная цель».

Библиографический список

¹⁰⁸ Хардт М., Негри А. Империя. С. 305-306

1. Brubaker R. The limits of rationality. London and New York: Routledge, 1984
2. Антология мировой правовой мысли в 5 тт. Т.2 Европа V – XVII вв. М.: Мысль, 1999
3. Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология: Пер. с фр. / Сост. С.Н. Зенкин. - М.: Ладомир, 2006
4. Боден Ж. Метод легкого познания истории. М.: Наука, 2000
5. Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989 – 1992). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016
6. Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. — М.: Юристъ, 1996
7. Вебер М. История хозяйства. // Вебер М. История хозяйства. Город / Пер. с нем.; Под ред. И. Гревса; Коммент. Н. Саркитова, Г. Кучкова. — М.: «КАНОН-пресс-Ц*, «Кучково поле», 2001
8. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 644-706
9. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. / М. Вебер Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С.61-272
10. Гизо Ф. История цивилизации в Европе / Пер. с франц. — М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007
11. Гоббс Т. Левиафан. / Гоббс Т. Сочинения в 2 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1991
12. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994
13. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. М.; СПб.: Университетская книга, 2000
14. Локк Дж. Два трактата о правлении / Локк Дж. Сочинения: В 3 т./ Пер. с англ. и лат. и сост., авт. примеч. А. Л. Субботин.—М.: Мысль, 1988
15. Макиавелли Н. Государь. / Макиавелли Н. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1982
16. Маркузе Г. Разум и революция. СПб.: Владимир Даль, 2000.

17. Ницше Ф. Веселая наука / Пер. с нем. М. Корневой, С. Степанова, В. Топорова. – СПб.: Издательская Группа. «Азбука-классика», 2010
18. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938
19. Руссо Ж.-Ж. О причинах неравенства. Спб., 1907
20. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2 тт. Т. 1 М.-Л., 1935
21. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. В 2 тт. Т. 2 М.-Л., 1935
22. Спиноза Б. Богословско-политический трактат. М.: Академический проект, 2015
23. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992 гг. / Пер. с англ. Менской Т. Б. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009
24. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2006
25. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. В. Ю. Быстрова, Н. В. Суслова, А. В. Шестакова. — СПб.: Наука, 2011
26. Фуко М. Герменевтика субъекта: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франсе 1981—1982 учебном году/М Фуко: Пер. с фр. А.Г. Погоняйло—СПб.: Наука, 2007
27. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005
28. Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1978—1979 учебном году / М. Фуко; Пер. с фр. А. В. Дьяков. — СПб.: Наука, 2010
29. Хардт М., Негри А. Империя / Пер. с англ., под ред. Г. В. Каменской, М. С. Фетисова. — М.: Праксис, 2004
30. Хардт М., Негри А. Множество. М.: Культурная революция, 2006

31. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Том 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации. М.; СПб.: Университетская книга, 2001